

STUDIUL CULTUROLOGIC

Вальдемар КАЛИНИН

ЦЫГАНЕ В ЗЕРКАЛЕ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР (I–II)

Rezumat

Imaginea țiganilor în literaturile slavone orientale

Articolul redă imaginea țiganilor în literaturile slavone orientale - rusă, belarusă, ucraineană. Imaginea țiganilor în tradiția literară a fost adesea construită pe baza atitudinii populației locale față de țigani, ca urmare a formării anumitor stereotipuri. Țiganii din teritoriul Imperiului rus au apărut în a doua jumătate a secolului al XVIII-lea și deja la începutul secolului al XIX-lea a atras atenția scriitorilor, muzicienilor și artiștilor. Pe baza numeroaselor exemple din operele poezilor și prozatorilor, reprezentanți ai literaturilor slavone orientale, sunt evidențiate dinamica formării imaginii țiganilor, particularitățile lor fiind relevate prin prisma autorilor, în diferite perioade de timp.

Cuvinte cheie: țigani, imagine artistică, abordare culturologică, stereotipuri, literatură slavonă orientală.

Резюме

Цыгане в зеркале восточнославянских литератур

В статье рассматриваются представления о цыганах в восточнославянских литературах – русской, белорусской, украинской. Образы цыган в литературной традиции строились зачастую на основе отношения местного населения к цыганам, в результате чего формировались определенные стереотипы. Цыгане на территории Российской империи появились во второй половине XVIII в. и уже в начале XIX в. попали в поле зрения писателей, музыкантов и художников. На многочисленных примерах из произведений поэтов и прозаиков восточнославянских литератур прослеживается динамика формирования образов представителей цыганского народа, выявляются их особенности в разные периоды времени сквозь призму восприятия авторов.

Ключевые слова: цыгане, художественный образ, culturologic approach, stereotypes, East Slavic literatures.

Summary

Gypsies in the mirror of East Slavic literatures

The article analyzes representations about the Roma people in the Russian, Belorussian, and Ukrainian literatures. The images of Roma in the literature were often built on the ground of the existing stereotypes. Roma arrived to the territory of the Russian Empire in the second half of XVIII century. In the early XIX century, they were for the first time described by some writers, musicians, and painters. The author accumulated a great number of novels, stories and poems, that were written by Russian, Belorussian, and Ukrainian writers and describes Roma. There

were analyzed the dynamic of Roma images' creating in the different periods of time.

Key words: Gypsies, image, culturological approach, stereotypes, East Slavic literature.

Рассматривая культуру цыган в беспощадных зеркалах истории и современности, невозможно умолчать еще об одном – вечном – зеркале. Это волшебное зеркало искусства и, в особенности, самое говорящее из зеркал – зеркало литературы.

В самом деле, именно литература может рассказать о том, как сами восточнославянские народы воспринимали цыган, как строились отношения местного населения с цыганами.

В литературе можно многое почерпнуть и о жизни самих цыган, как известно, совсем недавно обретших письменность и уже имеющих свою литературу, но это является темой другого исследования.

Последние двести лет, за исключением десятилетий постсоветского периода, жизнь балтийских цыган протекала в рамках Российской империи и возникшего в 1922 г. СССР, в основном сохранившего имперские территории. Для самих восточнославянских народов – белорусского, русского и украинского – эти два века были временем становления и развития их национальных литератур.

Еще и сегодня эти три народа называют себя народами-братьями. Мы исключаем из поля внимания имеющиеся в действительности крайние случаи, когда строится некая умозрительная иерархия их отношений по историческому, культуроведческому или каким-то другим признакам. Историки и политики каждой из сторон могут спорить сколько угодно о «корнях» и «истоках» своих народов, но, пожалуй, никто не сможет отыскать аргументы для оспаривания очевидного. Примерно тысячу лет назад эти народы вообще не разделялись, были единым народом, носили общее наименование «Русь» («Киевская Русь», «Полоцкая Русь», «Владимирская Русь» и т. д.), имели общее летописание и былилинный эпос, а всего семьсот лет назад у них был и общий памятник восточнославян-

ской письменной литературы – «Слово о полку Игореве». Более того, мнение этих родственных славянских народов о цыганах, вдохновение их поэтов, писавших о них, черпались, как правило, из одного и того же источника – впечатлений от встреч, концертов русских хоровых цыган. Все увиденное, услышанное и пережитое от соприкосновения с цыганским искусством зажигало своих слушателей сиюминутным желанием быть такими же вольными, удалыми детьми природы, как виделись им цыгане.

Для русских современная литература начинается с Александра Пушкина (1799–1837), для украинцев – с Тараса Шевченко (1814–1861), для белорусов – с Янки Купалы (1882–1942) и Якуба Коласа (1882–1956). Этих национальных гениев русские, украинцы и белорусы считают не только великими писателями, но и основателями современных русского, украинского и белорусского языков.

Разумеется, они были далеко не первыми писателями этих народов – начало восточнославянских литератур теряется в тех веках, что предшествовали средневековью. В XI–XVIII вв. прошлого тысячелетия были созданы многочисленные произведения авторов, подготовивших само появление Пушкина, Шевченко, Купалы, Коласа и Короткевича.

А вот временем появления цыган в восточнославянских литературах без всякого сомнения можно назвать именно рубеж XVIII и XIX вв., с которого историки начинают отсчитывать так называемое новое время истории.

Само это новое время достаточно четко делится на три условных периода. Первый длился с начала XIX в. до 1860-х гг., когда в России произошла отмена крепостного права, когда изменилось социальное строение общества, что сильно повлияло и на цыган, и на восточнославянские литературы. Второй период продолжался с 1861 по 1917 гг., когда произошел Октябрьский переворот, также сильно изменивший и положение цыган, и состояние общества, и, соответственно, содержание литературных произведений. И последний, третий период, – с 1917 г. до распада СССР. Последние почти тридцать постсоветских лет – это годы начала нового, четвертого, исторического периода, о содержании которого, как нам кажется, говорить пока преждевременно.

Мы вполне осознаем, что деление на исторические отрезки – явление условное. Понятно, что в самой жизни один исторический отрезок плавно и, зачастую, незаметно переходит в другой. Но для любого исследования подобное деле-

ние – удобный логический инструмент, которым пользуется и современная наука, и современная публицистика.

В соответствии с таким пониманием делим и мы эту главу о том, что и как говорила о цыганах музыка восточнославянской литературы.

I

Возможно, самым ранним появлением образа цыгана в русской литературе мы обязаны фольклору, русской народной сказке. Известно ведь, что народная сказка – один из старейших фольклорных жанров, существующих с незапамятных времен. Стало быть, цыгане были известны русским людям уже и в «старое время»!

Известный собиратель русского фольклора Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871), автор весьма объемного, первого в России и единственного в своем роде труда «Русские народные сказки» (1859), приводит фольклорную запись русской народной сказки «Змей и цыган».

Напомним, что Змей – русский аналог Дракона в западноевропейских сказках – один из главных персонажей восточнославянского фольклора. Это многоглавое, горбатое, летающее и огнедышащее чудовище предстает в эпосе олицетворением зла.

Итак, «в старые годы» повадился Змей летать в одну деревушку и всех в ней пожирать. Всего один мужик остался в живых – Змей решил его съесть на завтрак. А тут приходит в деревню цыган. Мужик и говорит ему – убегай, мол, отсюда поскорей, а то прилетит Змей и нас обоих съест. А цыган мужику отвечает, что если Змей сразу двух будет есть, так он может и подавиться! «Давай, говорит, я с тобой останусь – посмотрим, что это за Змей к вам летает».

Далее в сказке происходит множество происшествий, где цыган во всем оказывается умнее и ловчее Змея (сказка довольно объемная).

Цыган здесь – избавитель русского мужика от неминуемой гибели! Он свободен, находчив, умен, ловок, насмешлив. Он совершенно не боится Змея Горыныча. И этими своими чертами характера побеждает русского горе!

Очевидно, что гений простого народа оказывается на стороне цыгана. Он наделяет его свойствами лучшими, чем даже его собственные: русский мужик терпеливо ждет неминуемой гибели, а цыган не только идет навстречу опасности, чтобы спасти мужика, но и побеждает в битве со злом!

А вот простая русская частушка, придуманная неведомой крестьянской девушкой уже в середине XX в., где она откровенно завидует цыганам:

*Кабы я была цыганка,
Да еще смазливая,
Вышла б замуж за цыгана –
Была бы счастливая.*

Далеко некоторым современным представителям не народной, а «элитарной» литературы, в которой слишком часто цыган – личность либо излишне романтизированная и мифологизированная, либо «темная и дикая»!

1. Герои-цыгане буквально хлынули в европейскую литературу на рубеже XVIII–XIX вв. вместе с воцарившейся в ней эпохой романтизма. До этого они появлялись в литературных произведениях разве что в качестве экзотической детали, были явлением нечастым и бессистемным (выразимся пока так).

«Системным» явлением в литературе цыгане стали благодаря поэтам-романтикам. Литература славянских народов Российской империи конца XVIII – начала XIX вв. развивалась в русле общего развития европейских литератур и была представлена в указанный период писателями и поэтами романтизма.

Но еще в пору формирования русского романтизма поэт старшего поколения Гавриил Романович Державин стал автором небольшого стихотворного шедевра «Цыганская пляска» (1805). В этом произведении классицизма уже содержатся в основе своей все позднейшие романтические представления о цыганах:

*Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладостного жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.*

Все шесть строф стихотворения заканчиваются перебивающим ритм припевом «жги души» – стоило бы, вероятно, назвать эти строки перифразом некоторой песни, возможно исполнявшейся при пляске страстной «египтянки». Поэт сразу же определяет цыганскую пляску как высокое искусство, прямо произнося это слово:

*Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Вошебное зараз искусство
Вакханок древних оживи...*

Характерное для всего творчества Державина утверждение «русскости» нашло свое выражение и в этом стихотворении:

*Нет, стой, прелестница! Довольно,
Муз скромных больше не страши,
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева пропляши...*

Во всяком случае, приходится заметить, что цыганское искусство воспринято поэтом как необычное, поражающее воображение, волнующее, но до некоторой степени все-таки чужеродное. Это станет надолго, если не навсегда, одной из главных тем произведений славянских писателей и поэтов о цыганах – подчеркивание внешней и внутренней их экзотичности.

Вслед Державину на авансцену российской литературы ступили русские поэты-романтики. Они отличались от западноевропейских романтиков одним принципиальным качеством: начав как романтики, все они закончили реалистами. То есть период увлечения романтизмом в России был весьма недолгим. Жуковский и Батюшков, Баратынский и Пушкин, Языков и Лермонтов – все до одного эти корифеи русской поэзии начала XIX в. на протяжении своей собственной жизни изжили в самих себе сверхновое литературное направление романтизма и сразу перешли к реализму. Европа, кстати, сделала это значительно позже.

А. С. Пушкин начинал как романтик, и едва ли не самым сильным и заметным его романтическим произведением в русской литературе является поэма «Цыганы», целиком посвященная жизни «вольного племени», как выражались в те времена.

О пушкинских «Цыганах» (1824) так много писалось, что нам, признаться, неловко впасть в повторения. Поэтому просим не сетовать на краткость. Однако вовсе не упомянуть о первом крупном русском произведении, полностью посвященном цыганской теме, мы не можем.

Не будем пересказывать ее содержание. Коснемся лишь идейных выводов. Сюжет поэмы, ее фабульные и метафорические «ходы» предвосхищают самые известные произведения о цыганах, вплоть до «Кармен» Проспера Мериме.

Достаточно известно, что Проспер Мериме заразился интересом к цыганам, читая и переводя пушкинскую «Песнь Земфиры» из поэмы «Цыганы» («Старый муж, грозный муж!/ Режь меня, жги меня...»). Вскоре он напишет «Кармен», в которой будет та же внезапная и «бешеная» цыганская страсть, та же неукротимая жажда цыганской «воли», которая сильнее смерти.

Между прочим, это знаменитое «русское» различие понятий «свобода» и «воля», начавшееся с Пушкина, возникло от знакомства поэта именно с цыганским понятием «воли». Если сказать коротко, то первоначальное русское понятие свободы практически ничем не отличалось от «свободы как осознанной необходимости».

Однако после Пушкина русские достаточно резко противопоставили «немецкой» свободе «как осознанной необходимости» чисто цыганское понятие воли. При этом последнее настолько прочно вошло в инструментарий русской мысли, что сегодня русский человек вам обязательно скажет: «А, свобода? Да, конечно, свобода – это великая ценность. Но воля – высшая ценность».

Пушкин усложнил коллизию: его вольная героиня Земфира, полюбившая не цыгана, оказывается зарезанной взревновавшим возлюбленным, выступающим тут чуть ли не орудием возмездия за отход Земфиры от законов таборной жизни.

Как правильно замечают некоторые исследователи, Пушкин в своей поэме романтически искажил цыганский женский характер: получилось, что цыганку можно убить, но нельзя заставить любить нелюбимого. Своеобразное перенесение смысла понятия «воля» на «любовь».

Между тем, как раз этого-то и нет ни в цыганском женском характере, ни в цыганском понимании «любви». Цыганские нравы патриархальны. В любви цыганская женщина скорее похожа на позднюю реалистическую пушкинскую героиню Татьяну Ларину (роман в стихах «Евгений Онегин»), отказавшую Онегину с мотивировкой «я другому отдана, – я буду век ему верна».

В сущности, Пушкин дал повод к неверному толкованию нравственных основ цыганской жизни. О цыганах стали думать как о людях если не вовсе лишенных морали, то имеющих какую-то свою, особую нравственность.

Вслед романтическим придумкам Пушкина, очарованный Пушкиным Проспер Мериме также невольно ввел в заблуждение европейцев: также Кармен любовь – тоже «сильнее смерти». Романтично, но совершенно не соответствует цыганскому женскому характеру. Однако вызывает симпатии к цыганам!

Эти симпатии, пробужденные в Европе фее-рическим произведением Мериме, проявятся и у Жорж Санд, чей персонаж Зденко («Консуэло») рисуется автором с явной и романтической симпатией, и у Александра Дюма-отца (роман «Княгиня Монако»), герой которого цыган Хитано будет изящен и благороден в поступках, как аристократ.

Уже значительно позже произойдет в литературе «деромантизация» цыган, но мы пока еще находимся в России, в первой половине XIX в., в русской литературе еще царит романтизм, а у нас в руках только что изданная поэма пушкинского друга, также великого русского поэта, Евгения Баратынского «Цыганка» (1830).

Прошло всего шесть лет со времени публикации поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». Однако это было последнее романтическое произведение великого поэта. Уже в следующем, 1825 г. выходит «Граф Нулин» – пушкинская поэма, поразившая современников своим мастерским реализмом. А в 1830 г. Пушкин печатает поэму «Домик в Коломне», одну из первых жемчужин русской натуральной школы.

А как решает цыганскую тему младший друг и современник Пушкина Евгений Баратынский?

Баратынский строит изысканную антиромантическую мистификацию: гуляка Елецкой, благодаря простой и естественной цыганской девушке Саре (пока еще – вполне романтическая «простота и естественность»), сам становится естественным и простым. Став таковым, он встречает другую «естественную и простую» девушку Веру и неожиданно для себя влюбляется в нее (совершенно реалистическая последовательность). Влюбившись, Елецкой начал вести себя как настоящий романтический герой: «незамечаем и неведом/ За милою бродил он следом», он всюду искал ее глазами, он снова начал ходить в театры, но теперь только для того, чтобы увидеть там Веру (абсолютно романтические «страдания»).

*Вкусив неполное свиданье,
Елецкой приходил домой
Исполнен мукою двойной...*

«Двойная мука» персонажа Евгения Баратынского заключалось в том, что дома, с Сарой, Елецкой был реалистом, а вне дома оставался романтиком. Поэт избрал полем битвы романтизма и реализма саму душу своего героя. Сара, по причине его романтической влюбленности в Веру, превращается из возлюбленной в простую сожительницу, наложницу. Ложь романтизма порождает ложь реального существования: Елецкой, в ответ на упреки Сары в измене, начинает... лгать:

*Оставь пустые опасенья,
Не разлучимся мы с тобой,
Хотя другого поколенья,
Родня я вашему судьбой.
И я, как вы, отвержен светом,
И мне враждебен сердца глас...*

Несмотря на вполне еще романтические симпатии к цыганам («хоть я другого рода-племени, но у меня такая же судьба»), он в то же время прибегает к обычной лжи разлюбившего мужчины: «Не распадется, верь мне в этом,/ Цепь, сопрягающая нас». Таким постоянным переворотом сюжета и самого строя повествования – из романтизма

в реализм и обратно – характеризуется вся поэма.

Сара решает простить Елецкого и не терзать его душу. Роман Елецкого с Верой в полном разгаре, они встречаются; Сара просит старуху-цыганку Ненилу дать ей любовное снадобье, чтобы Елецкой к ней вернулся; Елецкой выпивает зелье, признается, сколько горя нанес Саре и... умирает. Сара возвращается в табор. Вся поэма завершается вполне реалистической картиной цыганского табора, в котором Сара «воскресает в крике хоровом»:

*Она, веселая лицом,
С ним (с хором – В. К.) голос яркий согласила.
Умолкнул хор – и вновь она
Сидит сурова и мрачна.*

Евгений Баратынский – быть может, один из самых первых авторов, попытавшихся решить реалистическую проблему средствами романтизма: отсюда двойственность этого произведения.

24 мая 1828 г. в Москве в Большом театре была поставлена опера А. Н. Верстовского «Пан Твардовский», которая содержала «Цыганскую песню» малоизвестного русского поэта и либреттиста М. Н. Загоскина:

*Мы живем среди полей
И лесов дремучих;
Но счастливей-веселей
Всех вельмож могучих.
Наши деды и отцы
Нам примером служат,
И цыгане-молодцы
Ни о чем не тужат!
Гей, цыгане! Гей, цыганки!*

Песня была напечатана отдельно в «Драматическом альманахе для любителей и любительниц театра» (СПб., 1828, с.133), и некоторое время была достаточно модной. А между тем ее трудно назвать даже мало-мальски интересной, напротив – она содержит неверные представления о цыганах, которые «счастливей-веселей всех вельмож могучих», ну, а «цыгане-молодцы», которые «ни о чем не тужат», – это скорее браваурная интонация из какой-нибудь солдатской песенки. Однако загоскинская «Цыганская песня» была востребована, она оказалась в русле общего интереса к цыганам, разбуженного большими русскими поэтами.

Юный Михаил Лермонтов, воодушевленный именно этой песней, попытался написать либретто по поэме А. Пушкина «Цыганы» (первые незаконченное либретто было опубликовано в статье С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова» в 1859 г. в журнале «Отечественные

записки» (т. 125, № 7, отд. I, с. 26-27). Во многом беспомощная, эта попытка юного М. Лермонтова – яркое подтверждение того огромного впечатления, которое поэма А. Пушкина произвела на русскую читающую публику.

Страницы журналов и альманахов начинают наполняться «цыганскими мотивами». Приведем в качестве примера «Цыганскую песню» С. П. Шевырева, одного из «негромких» русских поэтов того времени, напечатанную (без подписи) в «Московском вестнике» (1828, ч. 10, № 15, с. 320):

*Добры люди, вам пою я,
Как цыганы жизнь ведут;
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.*

*Но мы песнями богаты,
Песня – друг и счастье нам:
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.*

*Песня все нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.*

Содержание песни на удивление реалистично показывает цыганскую жизнь – «всем чужие, век кочуя,/ бедно бедные живут». Следует выделить эту особенность стихотворения С. Шевырева, так как она была не в стиле двойственного романтико-реалистического подхода к цыганам, свойственного литературе того времени. Не менее популярным стало и другое стихотворение Степана Шевырева – «Цыганка». Оно представляет собой диалог автора с цыганкой («египтянкой», как говорили тогда). И опять мы имеем дело не столько с романтическим, сколько с живым реалистическим образом, перед нами – женщина со своими мыслями и печалью:

*«Служила ты, была несчастна?
Зачем на черные глаза
Нашла блестящая слеза?
Недаром смуглые ланиты
Больною бледностью покрыты...»
И цыганка отвечает:
«Когда судьбы нещадная рука
Отнимет у жены супруга,
То неизменная тоска
Заменит ей утраченного друга.
Есть прихоти у пламенной любви,
Несчастье так же прихотливо, –
Не трогай же страдания мои,
Я их люблю, я к ним ревнива».*

Перед нами человек с реальными, а совсем не литературными «роковыми» страстями! Но гораздо чаще образы цыган оставались двойственными: реалистические детали романтически приукрашивались. Скажем сразу – эта двойственность очень надолго закрепится как в русской литературе, так и в литературе других восточнославянских народов.

Не обошел вниманием цыган и цыганское искусство и поэт-гусар русской литературы начала XIX в. Денис Давыдов:

Киплю, люблюсь на тебя,

Глядя на прить твою младую:

Так старый хрыч, цыган Илья,

Глядит на пляску удалую,

Под лад плечами шевеля.

(«Герою битв, биваков, трактиров и б...», 1830)

«Старый хрыч» цыган Илья – это сам Илья Соколов, собственной персоной! Вообще, рассказывая о первых лицах русской литературы, мы порой как-то забываем, что это именно они и были теми любителями цыганского искусства, которые привили свою любовь всей русской культуре!

Отдельно следовало бы сказать о таком вкладе восточнославянской музыки в цыганскую культуру, как тексты «цыганских» романсов. Это важная тема и в разговоре о русской поэзии.

Хотя среди авторов таких текстов можно встретить крупных русских поэтов масштаба Якова Полонского или Константина Случевского, в основном же, по меткому выражению русского поэта и редактора петербургского журнала «Современник» Николая Алексеевича Некрасова, это – «второстепенные поэты» или поэты второй очереди, второй шеренги.

В творчестве авторов цыганских романсов восточнославянская муза вступает в своеобразный союз с музой цыганской, а в результате этого рождается, собственно, цыганский романс. Слова русские, музыка может быть как русской, так и цыганской, исполнение цыганское – вот и готов цыганский романс.

Теме цыганского романса посвящено большое количество специальных исследований в музыкальной литературе, и мы, конечно, вовсе не хотим заниматься пересказом, а желающих отправляем к первоисточникам; благо информационный век сделал доступной любую литературу. Кроме того, на свете существует такое множество прекрасных цыганских романсов, что разговор о них – без всякого сомнения – может стать темой отдельной и достаточно объемной книги. Здесь нам хотелось бы вкратце рассказать

о вкладе всего лишь некоторых «самых-самых главных» славянских поэтов в деле создания цыганского романса.

Начнем с имени, без которого вообще нельзя представить цыганский романс – Евгений Павлович Гребенка (1812–1848), украинец, ставший известным поэтом в имперском Санкт-Петербурге.

В 1843 г. им было написано стихотворение, которое, без сомнения, составляет международную славу всех цыган. Именно Е. П. Гребенка написал стихи «Черные очи» (это уже жизнь «переправила» автора, и данное произведение теперь знают во всем мире как романс «Очи черные»). Пожалуй, никакого второго, настолько известного по всей земле текста, связанного с цыганской культурой, попросту нет.

Его исполняли все звезды мирового вокала от «Битлз» до Паваротти и, уж конечно, все звезды цыганского музыкального Олимпа. Романс переведен сегодня практически на все языки мира, он стал своеобразной «визитной карточкой» всего цыганского народа.

Приведем авторский текст этого романса, поскольку, как это часто случается с истинно народными произведениями, слова сильно разнятся у разных исполнителей.

Очи черные, очи страстные!

Очи жгучие и прекрасные!

Как люблю я вас! Как боюсь я вас!

Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, недаром вы глубины темней!

Вижу траур в вас по душе моей,

Вижу пламя в вас я победное:

Сожжено на нем сердце бедное!

Но не грустен я, не печален я,

Утешительна мне судьба моя:

Все, что лучшего в жизни Бог дал нам,

В жертву отдал я огневим глазам.

Эта песня стала именно народной, потому что сам народ позднее добавлял в нее свои собственные строки, изменял ее. Сегодня широко поется: «Не любил бы вас, не страдал бы так/ Я бы прожил жизнь припеваючи!/ Вы сгубили меня, очи черные!/ Унесли навек мое счастье!» и многие другие вставки, более поздние. Кто их автор? Точно известно – не Гребенка. Приходится говорить, что народ.

По времени появления романс совпадает с вершиной популярности знаменитого петербургского Соколовского хора. Видимо, именно в то время «Черные очи» и вошли в

цыганский романсовый репертуар как «Очи черные».

Второй «звездой» цыганского романса по праву можно назвать русского поэта Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864), автора знаменитой «Цыганской венгерки». Мелодия, созданная хорowymi цыганами на его слова «Две гитары зазвенев/ Жалобно заныли:/ С детства памятный напев –/ Милый, это ты ли?», – вторая «визитная карточка» цыганского исполнительства.

Аполлон Григорьев оставил ощутимый след в памяти цыган-исполнителей. Он сам был незаурядным гитаристом и исполнителем цыганских романсов, дружил с хорowymi цыганами, пытался даже влюбляться в цыганских исполнительниц и искренне недоумевал, как строги они были с ним. Сказывалось непонимание даже этим знатоком цыган строгих моральных установок цыганской внутренней жизни.

Если говорить о самом тексте «Цыганской венгерки», то он прямо адресован цыганским исполнителям и содержит цыганские припевы («Басан, басан» – «пойте, пойте»):

*Басан, басан, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата...*

«Цыганскую венгерку» при каждом новом исполнении всегда слушали как новую песню и поражались разнообразию текстов. Все дело в том, что в оригинальном тексте Аполлона Григорьева целых 152 строки – неимоверно много для одной песни. Разные цыганские исполнители на свой собственный вкус «выбирают» из текста строфы – вот потому «Цыганская венгерка» всегда так свежа и неизменно популярна у слушателя.

Кроме того, музыкальная основа песни стала отправной точкой безмерно знаменитой плясовой мелодии «Цыганочка». Кто из любителей и знатоков цыганского исполнительства не знает этого выражения – «„Цыганочка” с выходом»!

Возможно, третьим «хитом» в данной области является романс на слова русского поэта Якова Петровича Полонского (1819–1898) «Песня цыганки» («Мой костер в тумане светит...»). Полонский считался известнейшим поэтом своего времени, высоко ценился русской критикой и русским читателем. Его поэзия оказала влияние на А. Блока и позднее на Б. Пастернака.

Романсы и народные песни на стихи Я. Полонского трудно даже просто перечислить. Из самых известных – «Затворница» («В одной зна-

комой улице–/ Я помню старый дом...»), «Ночь» («Отчего я люблю тебя, светлая ночь...»), «Узница» («Что мне она! – не жена, не любовница/ И не родная мне дочь!»), «Старушка» («Подойди ко мне старушка,/ Я давно тебя ждала./ И косматая, в лохмотьях/ К ней цыганка подошла»).

Автор великого множества цыганских романсов русский поэт Алексей Николаевич Апухтин (1841–1893) создал такие шедевры цыганского романса, как «Пара гнедых» и «Ночи безумные», множество других стихотворений, героями которых были цыгане. В его творчестве активно закрепился стереотип цыган как прекрасных и загадочных пришельцев, знающих тайны судьбы, волшебных певцов и танцоров, гордых людей, достойно несущих, несмотря на трудности жизни, свой особый жребий. Романсы А. Н. Апухтина положены на музыку практически всеми великими русскими композиторами XIX в.

Вторая половина XIX в. была для русской литературы временем возникновения того всемирно известного явления, которое называют «великой русской литературой XIX в.». Это была литература критического реализма или, как тогда выражались, «натуральной школы».

Самые «матерые» реалисты, даже Иван Тургенев (рассказ «Петр Петрович Каратаев») и Николай Лесков (повесть «Очарованный странник»), даже Лев Толстой (повесть «Два гусара») и сам основатель «натуральной школы» русского романа Николай Гоголь (повесть «Сорочинская ярмарка»), мастерски владея реалистическим письмом и описывая цыган в своих произведениях как живых людей, наделенных яркими и особенными приметами, не удержались от того, чтобы «нечто» о цыганах оставить в некоей загадочной недосказанности. Может быть, великие писатели остро чувствовали свое незнание цыганской жизни и старались быть честными в своем творчестве.

Вот герой рассказа И. С. Тургенева «Петр Петрович Каратаев» из «Записок охотника» говорит о цыганах: «– Люблю цыган, черт возьми, люблю...». Эти «цыгане» писателя-реалиста – всего лишь деталь, необходимая Тургеневу для завершенности образа своего героя. Именно таких, достаточно абстрактных, «цыган» становится все больше и больше в литературе, которую теперь понимают как «зеркало жизни».

И в этом есть свои плюсы: вдруг стало ясно, что цыгане – непреременные участники общественной жизни России. Очень часто это хоровые цыгане, получившие в первой половине

XIX в. широкую популярность в Петербурге, Москве, больших губернских городах.

Дворянская и разночинская литература так называемого «второго ряда писателей», в том числе даже и народническая литература второй половины XIX в., не могли знать иной жизни цыган, кроме той, что наблюдала в столицах. Оттого так много в этих произведениях цыган, поющих и пляшущих в ресторациях...

Вот характерное произведение Николая Некрасова «Папаша» (1860), герой которого, прожигатель жизни и просто развратный тип, торгующий собственной дочерью, появляется уже в ресторанном окружении;

*Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.*

Между прочим, именно в произведениях Н. А. Некрасова появляются чисто свидетельские, документальные зарисовки исторических концертов цыганских хоров в Павловском вокзале Петербургской железной дороги, так поразившие современников:

*До Павловска катался я
Железной мостовой,
Парами восхищался я –
Не столько быстротой!
В воксале, в упоении,
Прослушал я цыган:
Вот, доложу, уж пение...*

(«Провинциальный подьячий в Петербурге», 1840)

Вообще же представители реализма в классической русской литературе от Гоголя и Толстого до самых «младших» – Бунина и Андреева, если сравнивать их творения с творениями писателей-романтиков, писали о цыганах «неинтересно». Не без умысла и не без юмора произносим мы такое заключение. В самой сути реализма заложено такое отражение действительности, в котором нет места героическим (трагическим, мелодраматическим) фантазиям. Грубо говоря, если реалист о чем-то пишет – так должен знать это досконально. А при незнании предмета добросовестный реалист не позволит себе подробно на нем останавливаться.

Оттого в произведениях русских реалистов цыган появляется либо во всем великолепии натуралистического метода, либо скромно упоминается: «Знаешь, я очень полюбил цыган и русские песни» (Лев Толстой, «Анна Каренина»); и тот же автор создает многостраничное произведение «Живой труп», герой которого Федя

Протасов променял свое дворянство на любовь к цыганской девушке.

Федор Достоевский в романе «Братья Карамазовы» упоминает мимоходом: «Мы отсюда с ней в Мокрое, это двадцать пять отсюда верст, цыган туда добыл, цыганок, шампанского, всех мужиков там шампанским перепоил, всех баб и девок...». И тот же самый автор рисует полномасштабный образ в «Записках из мертвого дома»: «Он отчасти цыган, ветеринар, добывает по городу деньги за лечение лошадей, а у нас в остроге торгует вином».

Меткость наблюдения и точность оценки писателя-реалиста многое могут сказать внимательному читателю. Вот развернутый пассаж из рассказа Леонида Андреева «Призраки» (1904):

«Входили цыгане: мужчины высокие, долгошеие, с угрюмыми, скучными лицами, и женщины – скромные, почти все в черном, усиленно равнодушные к разговорам, замечаниям и винам на столе. Потом внезапный гик, визг, завитуха гортанных диких голосов, бешенство страстей, безумие веселья, точно все перевернулось, точно открылось все. И пляска. <...> Смуглая красивая девушка поет, опустив черные ресницы...

И так просто пела она, ни на кого не глядя, смуглая, красивая, чужая, как будто рассказывала одну только правду, и все верили, что это правда. И грустно становилось, просыпалась грустная любовь к кому-то призрачному и прекрасному, и вспоминался кто-то, кого не было никогда».

Следуя неписанному закону реалистической прозы, Леонид Андреев не берется сделать цыгана своим героем: по самой сути реалистического творчества он не может этого сделать. Но четкость обрисовки деталей в эпизодах достигает фотографического эффекта.

С бережной ответственностью к цыганской теме относился и основатель современной белорусской литературы Янка Купала. Сами реалистические интонации его творчества, далекого от безответственных «поэтических завихрений», не позволяли поэту пускаться в «придумки» о цыганах. Однако внимательный художнический взгляд, конечно же, ясно различал влияние, которое оказывали цыгане на белорусскую культуру.

Вот его героиня (пьеса «Прымакі») Катеринка (Кацярынка) – красавица и певунья, своего рода морально-этический идеал белорусской девушки, – приплясывая «Цыганочку», объясняет своему возлюбленному Мацейке, что он ей не безразличен – и пользуется для этого цыганским фольклором:

Я – цыганка маладая,
Я – цыганка не старая,
Знаю варажыць!
Э-эх! Знаю варажыць!
О, падай, Мацейка, ручку
Ды насыць мне грошай кучку, –
Усю праўду скажу!
Э-эх! Усю праўду скажу!

Катеринке потребовалась именно цыганская пляска, цыганская песня и цыганская «воля» как раз потому, что далее в той же сцене, в ответ на желание Мацейки не выпускать уже никогда Катеринку «из рук» она с гордой «цыганской» усмешкой отвечает: «Паглядзім! Гэта яшчэ як я захачу!» («Посмотрим! Это еще как я захочу!»)

Вот такое естественное и виртуозное вплетение цыганского элемента в родную культуру и отличает талант Янки Купалы!

Выдающийся русский драматург второй половины XIX в. Александр Николаевич Островский одним из первых заметил новую тенденцию: в его пьесах, посвященных русскому купечеству, этому начинателю капитализма в России, часто появляются цыгане – уже как спутники «красивой жизни» новых русских богачей (см., например, пьесу «Бесприданница»). Списанные с хоровых цыган образы поющих и пляшущих, утонченно экзотичных цыганских исполнителей и исполнительниц создали стереотип, весьма далекий от настоящей жизни. Появилась тенденция считать цыганских хоровых цыган атрибутом «настоящего» ресторанного разгула, столь свойственного купеческой и фабрикантской России второй половины XIX в. И сами цыгане в этих произведениях стали отчасти походить на русских «ухарей» – теперь это некие талантливые «черти», берущие за свое искусство «бешеные» деньги.

В литературной критике все это получило едкое название «цыганщины». Реальная жизнь таборных цыган оставалась за бортом реалистической литературы.

II

Вообще следует сказать, что так называемые «поздние реалисты», восточнославянские писатели конца XIX – начала XX вв., отличались от «реалистов-великанов» более тщательной проработкой деталей в своих описаниях цыган. Для них уже не редкость такие произведения о жизни цыган, которые оснащены тонким психологическим и социальным смыслом. Они начинают обращаться к другим цыганским образам – не прикормленных ресторанных исполнителей, а к образам обычных, так называемых «таборных» цыган.

Русская литература конца XIX в., поглощенная социальным анализом происходившего в России укрепления капитализма, на некоторое время потеряла интерес к цыганам. Как мы сказали выше, сработал стереотип ресторанной цыганщины – это были «забавы богачей», писатели же отправились «в народ». И поначалу они не сразу заметили среди этого «простого народа» «простых таборных цыган».

Несколько другие обстоятельства сложились в литературе украинской. Тарас Григорьевич Шевченко, этот «кобзарь» (народный певец) новой украинской литературы, ставший ее основателем и символом, в изначально народных произведениях, антиимперских по своей сути, с самого начала заложил демократические основы молодой украинской литературы.

Именно поэтому в украинской литературе появились первые произведения, рассказывающие о простых таборных цыганах.

В качестве образца рассмотрим произведение классика украинской литературы Михаила Михайловича Коцюбинского (1864–1913). Человек и его душевные переживания – вот главный предмет интереса этого писателя.

У Коцюбинского нет противоположения природы человеку, нет изображения жизни человека на фоне природы. У него природа и человек – одно гармоническое целое. Такая натурфилософия естественным образом привела писателя к большому произведению «Дорогою ценою», в сюжет которого тесно вплетена тема цыган.

Запорожский казак Остап и его жена Соломия решают бежать в турецкие пределы от произвола царской власти. Переход через границу оказывается неудачным – Остап получает тяжелое ранение, и его находят местные цыгане. Они терпеливо выхаживают его, а его жену принимают в общину – вместе с цыганскими женщинами старается она найти пропитание для раненого мужа.

Цыгане Коцюбинского – реальные, живые люди, они так же неотделимы от природы, как запутавшийся в камышах дикий гусь или сами эти одеревенело стучащие камышовые заросли. У них есть какие-то свои, непонятные для Соломии занятия и интересы; но все они – как природа – составляют единое целое, и, благодаря этому, живы и любят жизнь. И когда в природный мир цыганской семьи вторгается государство, когда старик Гица приползает на порог своей хаты, оставляя за собой кровавый след, цыгане покидают свое временное жилище и исчезают в пространстве.

Особым своеобразием отличается ранняя повесть другого классика украинской литературы – Ольги Юлиановны Кобылянской (1863–1942) «В воскресенье рано зелье копала» (1908), одно из наиболее известных и лиричных произведений в украинской литературе, целиком повествующее о цыганах.

В семье цыганского вожака Радо, ведущего свой табор из Буковины в Венгрию, случилась беда: молодая жена Радо, Мавра, родила необычайно белого ребенка. Радо подозревает, что отцом ребенка является румынский боярин, на которого Мавра работала, и клянется убить неверную жену. Отец Мавры, старый лаутар Андронати, уговаривает Радо разрешить ему самому наказать дочь, напаивает цыган зельем и, когда весь табор засыпает, увозит Мавру с ребенком в горы и оставляет ее под большим деревом, а младенца подбрасывает местному богатею.

Проходят годы, Мавра остается в ближнем буковинском селении: она и ворожея, и целительница, и воспитательница Татьяны, младшей дочери местной богачки Дубихи. Наступает время, когда юная Татьяна случайно знакомится с красавцем парнем Грицем из соседнего села: у него черные как смоль волосы, тонкая белая кожа и синие глаза.

Быть может, недостаток писательского опыта Кобылянской сказался в этом раннем произведении: ее женщины (и цыганка Мавра в первую очередь) выписаны с тончайшими психологическими нюансами, а вот протагонист Гриц на фоне богатых женских натур выглядит совсем бледно. Он кружит голову своей невесте Насте и тайно встречается с Татьяной, являясь по сути слепым орудием чужой воли и воли случая. Ненароком проговаривается Мавра Татьяне, какое именно и где можно выкопать смертельное зелье, и пружина сюжета срывается: Гриц мертв, Андронати многие годы живет невдалеке от своей дочери Мавры, но встретятся отец и дочь только у гроба Грица.

Недостаток писательского опыта О. Кобылянской проявился, по нашему мнению, как раз в этом тотальном контроле автора над сюжетом и героями – они, по сути, своеобразные «жертвы авторского произвола». Почему-то Мавра – упрямый и волевой человек, а ее сын Гриц – воплощенное безволие. Буковинская «нежная дивчина» Татьяна «вдруг» приобретает черты роковой женщины – вершительницы мужской судьбы. И так далее, и так далее. Вместе с тем, О. Кобылянская проявляет глубокое знание цыганских нравов и обычаев, народного

характера издавна кочующих через Буковину цыган-калдэрарей.

Сколь разительно отличаются от образов О. Кобылянской образы другой великой украинской поэтессы – Анны Костенко, нашей современницы (мы скажем о ней в свое время)! Какой реальной жизненной силой они наполнены!

Правда, возможно и другое объяснение этих мистифицирующих цыганские образы особенностей письма О. Ю. Кобылянской: ее тяготение к модернизму, вторгшемуся в литературное пространство как раз на рубеже XIX и XX вв.

Замечено, что модернизм, пришедший на смену литературе натуральной школы, имел множество общих точек соприкосновения с романтизмом. Также как его давний предшественник, модернизм старался создавать символы и оперировать ими. Также как романтизм, он не только не ставил задачу «объективного» взгляда на жизнь, но и скорее наоборот – требовал от художника абсолютно субъективного взгляда.

Как ни странно, заигрыванием с модернизмом окрашено и раннее творчество современника О. Ю. Кобылянской – русского писателя Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького).

Станным оно кажется именно потому, что Горького считают не только реалистом, но даже отцом-основателем целого направления в реализме – так называемого социалистического реализма. Несмотря на восторженную оценку раннего творчества Максима Горького современниками, а затем и советскими читателями, время сильно изменяет эту оценку.

1. М. Горький сразу же вызвал большой интерес у читателей. Современники с изумлением писали, что народ России, не знающий Достоевского, мало знающий Пушкина и Гоголя, не знающий Лермонтова, больше других, но все же только кусочками знающий Толстого, вдруг знает Максима Горького.

2. Правда, в этом интересе был и некоторый налет сенсационности. Людей из низов привлекала сама мысль, что в литературу пришел писатель из их среды, «не понаслышке знающий жизнь» с самых мрачных и страшных ее сторон. Литераторов и читателей, принадлежащих к элитарному кругу, личность Горького привлекала, помимо таланта, своей экзотичностью: он представлялся читателю человеком, на личном опыте видевшим такие глубины «дна жизни», которого никто из них не знал изнутри.

3. Между тем Максим Горький не столько «знал» это «дно», сколько ставил своей целью и стремился его описывать. При трезвом взгляде

горьковское «дно» насквозь театрально.

4. М. Горький обращается к образам цыган, ставших еще у романтиков символом воли и «безудержных страстей», с теми же идеологическими штампами и шаблонами, которые были свойственны литературе романтизма каких-нибудь 50–60 лет до него.

5. В рассказах «Макар Чудра», «Старуха Изергиль» повествование строится по романтическим канонам. Герой-повествователь здесь – носитель общественного сознания. Выражается он велеречиво и мрачно: «...Стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны». Писатель воспеваает романтических героев – красивых, смелых, сильных людей: «Они шли, пели и смеялись».

6. В легенде о «горящем сердце Данко» ставится традиционный вопрос: человек и среда. Как и положено романтическим героям, горьковские персонажи «противостоят среде». Это проявилось в образе сильного, красивого, свободного Ларры, который открыто нарушил закон человеческой жизни, противопоставил себя людям и наказан вечным одиночеством. Совсем другой – герой Данко. Он разрывает себе грудь и высоко поднимает свое горящее сердце, освещая путь людям.

7. Рассказ о Данко построен как аллегория пути людей к лучшей, справедливой жизни, из мрака к свету. В образе Данко Горький воплотил образ вождя народных масс. Данко, как и Ларра, противостоит среде, враждебен ей. Столкнувшись с трудностями пути, люди ропщут на ведущего их, обвиняют его в своих бедах, при этом масса (как и положено в произведении романтическом) наделена отрицательными характеристиками: «Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства».

8. Горьковская легенда о Данко была активно использована как материал для революционной пропаганды, образ героя приводился как пример для подражания, позднее широко привлекался официальной большевистской идеологией, усиленно внедрялся в сознание молодого поколения (были даже конфеты с названием «Данко» и с изображением на обертке горящих сердец).

Строго говоря, горьковские «цыгане» являются таковыми только благодаря будто бы цыганским именам и кличкам, расхожим описаниям «цыганского» костюма и внешнего вида, «дикому сверканию глаз». Это вполне опереточные персонажи, вызывающие сегодня лишь неловкую улыбку.

Так и чувствуешь, что у «цыганских» героев Горького подметки сапог сделаны из картона, как это водится в театральных постановках.

Зато Горький «был понятен массам» и писал, по словам В. Ульянова-Ленина, «очень своевременные произведения», которые подготовили «классика социалистического реализма» к тому, чтобы уже в тридцатые (сталинские) годы назвать гулаговские лагеря «школой исправления человека» и восхищаться «педагогическими успехами» советской госбезопасности.

После революции Пешков пишет многостраничные и мутные произведения о русских купцах и фабрикантах в духе третьестепенных бытописателей конца XIX в., подгоняя историческую основу этих «эпопей» под марксистско-ленинскую схему истории.

На рубеже XIX и XX вв. и в течение почти двух предреволюционных десятилетий в литературе тогдашней Российской империи царил декаданс. Это было характерно, впрочем, для всей европейской литературы. Возникали и бесследно исчезали всевозможные литературные школы и течения.

Формальная «новизна» этих литературных школ сопровождалась, как ни странно, содержательной бедностью. По большому счету, все эти модернистские течения унаследовали романтические установки литературы первой половины XIX в. (Мы уже говорили о «цыганских» мотивах первых рассказов Максима Горького.)

Следует отметить, что и у столпов символизма (Александр Блок, Андрей Белый, Константин Бальмонт и др.) романтическая «мятежность» цыганской темы находила свой отклик.

Более других считавшийся знаменем символизма, русский поэт Александр Блок ранее других и порвал с ним. Цыганская тема, а также несколько стилизованная и отраженная от театральной постановки «Кармен» псевдоцыганская тема присутствует во многих стихотворениях Блока.

Как мы уже сказали, являясь внешне модернистскими, подобные произведения по сути строились как романтические.

Поэтому особенно хочется обратить внимание на стихотворение Блока «Никогда не забуду – он был или не был, этот вечер...» (1912), где вдруг появляется образ цыганки, прямо противоречащий романтическим установкам.

Загадочной и волнующей предстает в стихотворении прекрасная незнакомка, встреченная поэтом в зале ресторана и бросающая ему призывные взгляды, загадочным и волнующим оказывается щемящее предощущение возмож-

ной любви, а вот поющая в ресторане цыганка описана такими диссонирующими красками, что превращается в символ жизненной пошлости:

*...но из глубы зеркал ты мне взоры бросала,
И, бросая, кричала: «– Лови!».*

*А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви!*

Согласитесь, выбор такого неожиданного глагола («визжала... о любви») просто убийственен. И эта визжащая жизнь, вдруг открывшаяся поэту, стала стремительно надвигаться и расти, пока не разразилась кровавой революцией семнадцатого года...

Другой столп русского символизма – Валерий Брюсов является создателем неожиданно лирического для его «сурового голоса» стихотворения «В цыганском таборе» (1915):

*У речной изложины –
Пестрые шатры.
Лошади стреножены,
Зажжены костры.*

*Странно под деревьями
Встретить вольный стан –
С древними кочевьями
Сжившихся цыган!
<...>*

*Пусть кусками рваными
Виснут шали с плеч;
Пусть и ресторанами
Дышит чья-то речь;
Пусть и электрический
Над вокзалом свет!
В этот миг лирический
Скудной правды – нет!*

О том, что «нет скудной правды», что древняя кочевая жизнь не только скудна, но и наполнена живой связью с историей, литература заговорила в полный голос только в XX в.

Одним из создателей такого «мифопоэтического» произведения о цыганах стал русский поэт Николай Гумилев. Этот своеобразный и высоко чтимый современным русским читателем поэт, муж Анны Ахматовой, с большим интересом относился к цыганам. Он пытался понять их как истинный этнограф, дружил со многими известными деятелями цыганской культуры, такими, например, как Нина Алексеевна Шишкина (1888–1942), известная цыганская поэтесса и композитор (написавшая, кстати, несколько произведений на стихи Н. Гумилева).

И его видение цыган отличается ярким своеобразием.

Многим исследователям творчества Н. Гумилева представляется самым загадочным его произведением посвященное цыганской теме стихотворение «У цыган» (1920), в котором возникает уникальное ощущение времени. Действие разворачивается одновременно в: условном настоящем и условном прошлом. Гумилев использует так называемый прием «наложения планов» – это попытка «сделать несколько снимков на одну пластинку», когда сквозь один план начинает просвечивать другой.

В основе гумилевского отношения к цыганам находится старое оккультное утверждение, согласно которому цыгане – народ с прирожденными способностями к магии и пророчеству.

Поэт присутствует среди цыган в настоящем, но картины, которые он видит, – находятся в прошлом. Использует он ту же самую мистическую ритмическую практику, которая свойственна самой мистике: нервный ритм стихотворения с помощью повторов постепенно закручивается в воронку мелькающих деталей и образов:

*Пламя костра, пламя костра, колонны
Красных стволов и оглушительный гик.
Ржавые листья топчет гость влюбленный –
Кружащийся в толпе бенгальский тигр.*

На самом деле поэт описывает цыганский танец, но делает это одним сплошным потоком метафор:

*Шире, все шире, кругами, кругами
Ходи, ходи и рукой мани.
Так пар вечерний плавает лугами,
Когда за лесом огни, огни.*

*Вот струны-быки и слева и справа.
Рога их – смерть и мычанье – беда.
У них на пастбище горькие травы,
Колючий волчец, полынь, лебеда.*

До самой последней строчки своего стихотворения Н. Гумилев не позволяет читателю поверить, что все эти магические видения цыганской истории, эти странные цыганские отношения со временем – только плод поэтической фантазии, и заканчивает свое произведение все той же холодящей кровью мистикой:

*Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь.*

Новая русская литература, развивавшаяся в первые два десятилетия XX в. и носящая литературоведческое название «литературы Серебряного века», в полной мере использовала цыганскую тему теперь уже для выражения собственных литературных и эстетических позиций. Вот ха-

ракторное стихотворение еще одного великого русского поэта, Анны Андреевны Ахматовой, написанное в 1914 г., то есть в эпоху наиболее громкой ахматовской поэтической славы:

*«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»*

*«Доля матери – светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.*

*Каждый день мой – веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.*

*Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Все брожу я по комнатам темным,
Все ищу колыбельку его».*

Нетрудно заметить, что, несмотря на «цыганские» элементы, в этом стихотворении почти нет ничего «цыганского», или, говоря точнее, ничего специфически цыганского. По существу, Анне Ахматовой понадобился «цыганенок» только для одного: подчеркнуть свободу поэта от всего остального мира, приверженность собственным, иным, не таким, как окружающий поэта мир, категориям и ценностям.

Литература

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/
2. Апухтин А. Н. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/a/apuhtin_a_n/
3. Асадов Э. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. In: <http://lib.rus.ec/a/577> Ахмадулина Б. А. Стихотворения. М.: ЭКСМО, 2008. 480 с.
4. Ахматова А. А. Стихотворения. М.: АСТ, 2009. 332 с.
5. Бажко А. «Стары цыган калісті мне казаў...». Мінск: ЛіМ, 1984, № 22.
6. Барадулин Р. И. Збор твораў ў 5 тамах. Т. 1. Мінск: Мастацкая літаратура, 1995.
7. Баратынский Е. А. Избранное (вступ. ст. Латышева М.). М.: Терра-Книжный клуб, 2003. 368 с.
8. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1982.
9. Брус В. Звериный стиль. Стихотворения. Витебск: Западная Двина, 1997. 112 с.
10. Брюсов В. Я. Поэзия и проза. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/
11. Власов А., Млодик А. Армия трясогузки. In: <http://bookz.ru/authors/aleksandr-vlasov-arkadii-mlodik/tryasoguzka.html>
12. Высоцкий В. С. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/18989>
13. Гоголь Н. В. In: Публичная электронная библиотека. <http://public-library.na-rod.ru/Gogol.Nikolai/>
14. Горький М. Проза. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/
15. Гребенка Е. П. Твори у 3 т. Т. 1. Вступ. ст. С. Д. Зубкова (на укр. яз., тексты на языке оригинала). Київ, 1980–1981.
16. Григорьев А. А. Стихотворения и поэмы. Сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1978.
17. Григорьева Л. In: <http://www.stihi.ru/2008/10/13/3000>
18. Гумилев Н. Стихи. In: Антология русской поэзии. <http://www.stihi-rus.ru/1/gumilev/>
19. Давыдов Д. В. Сочинения. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/d/dawydow_d_w/
20. Далідовіч Г. Жывыя покліч. Вывбранае. Мінск: Мастацкая літаратура, 1995. 558 с.
21. Державин Г. Р. Сочинения. Под ред. Я. Грота. Т. 1–9. 1864. Т. 3.
22. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/
23. Дюма А. Собрание сочинений. Т. 57: Княгиня Молина (пер. с франц. Н. Паниной; комм. А. Гейсмана). М.: Арт-Бизнес-Центр, 2004. 450 с.
24. Есенин С. А. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/
25. Загоскин М. Н. In: Русские романы. М.: Виктория плюс, 2006. 192 с.
26. Калинин А. Роман «Цыган». In: http://fictionbook.ru/author/kalinin_anatoliyi_veniami-novich/
27. Каверин В. А. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/17974>
28. Кедрин Д. Вкус узнавший всего земного... Серия «Поэтическая библиотека». М.: Время, 2001. 576 с.
29. Кемецкий В. Гаданье. In: <http://gedichtephys.kiev.ua/Kemetsky.php>
30. Клычков С. А. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/5961>
31. Коцюбинский М. М. Произведения в 2-х тт. (на укр. яз.). Академия наук Украинской ССР. Серия: Библиотека украинской литературы. Дооктябрьская украинская литература. Киев: Наукова думка, 1988. 584 с. + 496 с.
32. Кобылянская О. Ю. Избранные сочинения. Киев: Дніпро, 1977. 687 с.
33. Костенко А. In: Стихи.py / <http://www.stihi.ru/avtor/annette1610>
34. Купала Я. Вершы. Паэмы. П'есы. Мінск: Харвест, 2007. 704 с.
35. Лазутин И. Г. Сержант милиции: Повесть; Обрывистые берега: Роман. М.ЦП, 2003.
36. Ларионова О. Подсадная утка. In: http://bookz.ru/authors/larionova-ol_ga/ccdaebd46fcf.html
37. Лермонтов М. Ю. Либретто оперы «Цыгане» по А. С. Пушкину. In: журнал «Отечественные записки» (т. 125, № 7, отд. I, с. 26–27).
38. Лесков Н. С. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/

39. Мандельштам О. Э. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/18127>
40. Маршак С. Я. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/31213>
41. Матвеева Н. Н. In: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/matveeva.html>
42. Мериме П. Кармен. Новеллы (пер. с франц. Кузмина М., Смирнова А., Гаршина В. и др.). М.: Советский писатель, 1978.
43. Молчанова Л. Детство Лены. М.: Детгиз, 1958. 96 с.
44. Нагибин Ю. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/>
45. Некрасов Н. А. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/
46. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/
47. Пастернак Б. Л. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/19779>
48. Подревский К. In: <http://www.pagan.ru/lib/books/resennik/romance/ehalinatroj-ke.php>
49. Полонский Я. П. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/
50. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 4. М.: Наука, 1965.
51. Рубина Д. Произведения. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/>
52. Рубцов Н. Стихи. Антология русской поэзии. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/rubcov/>
53. Санд Ж. Консуэло. In: Библиотека всемирной литературы. М.: ИХЛ. 1968. 385 с.
54. Семаков Л. Привет.ру – музыкальные альбомы. In: http://music.privet.ru/user/doc-tor_955/album/104134446
55. Смеляков Я. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/Smelyakov/65.htm>
56. Тарковский А. А. Стихотворения. М.: У-Фактория, 2006. 544 с.
57. Толстой Л. Н. Проза. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/
58. Трус П. Поэма «Цыганка». Минск: «ЛіМ», 1993, № 9.
59. Тургенев И. С. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/
60. Уткин И. Стихи. Антология русской поэзии. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/utkin/>
61. Ушакова Е. «Этот вежливый тренер-цыган, лошадей знаток...». In: Звезда, 2005, № 6.
62. Филиппов Б. А. (Филистинский Б. А.) Всплывшее в памяти. Лондон, 1990.
63. Франко І. Я. Зібрання творів. У 50 т. Т. 27. Київ, 1983.
64. Цветаева М. И. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/>
65. Шаламов В. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 2. М.: ХЛ-Вагриус, 1998.
66. Шевырев С. П. Цыганская песня. In: Московский вестник, 1828, ч. 10, № 15, с. 320.
67. Шевырев С. П. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/
68. Шолохов М. А. Собрание сочинений. В 8-ми тт. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956–1960.

References

1. Andreev L. N. Sbranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/a/andrew_l_n/
2. Apukhtin A. N. Sbranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/a/apuhtin_a_n/
3. Asadov E. In: El. biblioteka LIBRUSEK. In: <http://lib.rus.ec/a/577Akhmadulina> B. A. Stikhotvoreniia. M.: EKSMO, 2008. 480 s.
4. Akhmatova A. A. Stikhotvoreniia. M.: AST, 2009. 332 s.
5. Bazhko A. «Stary tsygan kalisti mne kazaŭ...». Minsk: LiM, 1984, № 22.
6. Baradulin R. I. Zbor tvoraŭ ŷ 5 tamakh. T. 1. Minsk: Mastatskaia litaratura, 1995.
7. Baratynskii E. A. Izbrannoe (vstup. st. Latysheva M.). M.: Terra-Knizhnyi klub, 2003. 368 s.
8. Blok A. Sbranie sochinenii v 6-ti tt. T. 3. L.: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
9. Brus V. Zverinyi stil'. Stikhotvoreniia. Vitebsk: Zapadnaia Dvina, 1997. 112 s.
10. Briusov V. Ia. Poeziia i proza. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/
11. Vlasov A., Mlodik A. Armia triasoguzki. In: <http://bookz.ru/authors/aleksandr-vlasov-arkadii-mlodik/tryasoguzka.html>
12. Vysotskii V. S. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/18989>
13. Gogol' N. V. In: Publichnaia elektronnaia biblioteka. <http://public-library.na-rod.ru/Gogol.Nikolai/>
14. Gor'kii M. Proza. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/
15. Grebenka E. P. Tvoru 3 t. T. 1. Vstup. st. S. D. Zubkova (na ukr. iaz., teksty na iazyke originala). Kiiv, 1980–1981.
16. Grigor'ev A. A. Stikhotvoreniia i poemy. Sost., vstup. st. i primech. B. F. Egorova. M., 1978.
17. Grigor'eva L. In: <http://www.stihi.ru/2008/10/13/3000>
18. Gumilev N. Ctikhi. In: Antologiia russkoi poezii. <http://www.stihi-rus.ru/1/gumilev/>
19. Davydov D. V. Sochineniia. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/d/dawydow_d_w/
20. Dalidovich G. Zhyvy poklich. Vyvbranae. Minsk: Mastatskaia litaratura, 1995. 558 s.
21. Derzhavin G. R. Sochineniia. Pod red. Ia. Grota. T. 1–9. 1864. T. 3.
22. Dostoevskii F. M. Sbranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/
23. Diuna A. Sbranie sochinenii. T. 57: Kniagina Monako (per. s frants. N. Paninoi; komm. A. Geismana). M.: Art-Biznes-Tsentr, 2004. 450 s.
24. Esenin S. A. Sbranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/
25. Zagoskin M. N. In: Russkie romansy. M.: Viktoriia plius, 2006. 192 s.
26. Kalinin A. Poman «Tsygan». In: http://fictionbook.ru/author/kalinin_anatoliyi_veniami-novich/
27. Kaverin V. A. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/17974>
28. Kedrin D. Vkus uznavshii vsego zemnogo... Seriia «Poeticheskaia biblioteka». M.: Vremia, 2001. 576 s.
29. Kemetskii V. Gadan'e. In: <http://gedichtephys.kiev.ua/>

- Kemetsky.php
30. Klychikov S. A. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/5961>
31. Kotsiubinskii M. M. Proizvedeniia v 2-kh tt. (na ukr. iaz.). Akademiia nauk Ukrainkoi SSR. Serii: Biblioteka ukrainkoi literatury. Dooktiabr'skaia ukrainkaia literatura. Kiev: Naukova dumka, 1988. 584 s. + 496 s.
32. Kobylianskaia O. Iu. Izbrannye sochineniia. Kiev: Dni-pro, 1977. 687 s.
33. Kostenko A. In: Stikhi.ru / <http://www.stihi.ru/avtor/annette1610>
34. Kupala Ia. Vershy. Paemy. P'esy. Minsk: Kharvest, 2007. 704 s.
35. Lazutin I. G. Serzhant militsii: Povest'; Obryvistye berega: Roman. M.TsP, 2003.
36. Larionova O. Podsadnaia utka. In: http://bookz.ru/authors/larionova-ol_ga/ccdaebd46fcf.html
37. Lermontov M. Iu. Libretto opery «Tsygane» po A. S. Pushkinu. In: zhurnal «Otechestvennye zapiski» (t. 125, № 7, otd. I, s. 26-27).
38. Leskov N. S. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/
39. Mandel'shtam O. E. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/18127>
40. Marshak S. Ia. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/31213>
41. Matveeva N. N. In: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/matveeva.html>
42. Merime P. Karmen. Novelly (per. s frants. Kuzmina M., Smirnova A., Garshina V. i dr.). M.: Sovetskii pisatel', 1978.
43. Molchanova L. Detstvo Leny. M.: Detgiz, 1958. 96 s.
44. Nagibin Iu. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/>
45. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/n/nekrasov_n_a/
46. Ostrovskii A. N. Polnoe sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/
47. Pasternak B. L. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/19779>
48. Podrevskii K. In: <http://www.pagan.ru/lib/books/pesennik/romance/ehalinatorj-ke.php>
49. Polonskii Ia. P. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/
50. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii v 10-ti tt. T. 4. M.: Nauka, 1965.
51. Rubina D. Proizvedeniia. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/>
52. Rubtsov N. Stikhi. Antologiia russkoi poezii. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/rubcov/>
53. Sand Zh. Konsuelo. In: Biblioteka vseмирnoi literatury. M.: IKhL. 1968. 385 c.
54. Semakov L. Privet.ru – muzykal'nye al'bomy. In: http://music.privet.ru/user/doc-tor_955/album/104134446
55. Smeliakov Ia. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/Smeliakov/65.htm>
56. Tarkovskii A. A. Stikhotvoreniia. M.: U-Faktoriia, 2006. 544 s.
57. Tolstoi L. N. Proza. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/
58. Trus P. Poema «Tsyganka». Minsk: «LiM», 1993, № 9.
59. Turgenev I. S. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/
60. Utkin I. Ctikhi. Antologiia russkoi poezii. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/utkin/>
61. Ushakova E. «Etot vezhliivy trener-tsygan, loshadei znatok...». In: Zvezda, 2005, № 6.
62. Filippov B. A. (Filistinskii B. A.) Vsplyvshee v pamiati. London, 1990.
63. Franko I. Ia. Zibrannia tvoriv. U 50 t. T. 27. Kiiv, 1983.
64. Tsvetaeva M. I. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/POEZIQ/CWE-TAEWA/>
65. Shalamov V. Sobranie sochinenii v 3-kh t. T. 2. M.: KhL-Vagrius, 1998.
66. Shevryev S. P. Tsyganskaia pesnia. In: Moskovskii vestnik, 1828, ch. 10, № 15, s. 320.
67. Shevryev S. P. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/
68. Sholokhov M. A. Sobranie sochinenii. V 8-mi tt. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1956–1960.

Valdemar Kalinin (Londra, Anglia, Marea Britanie). Președintele Societății Misionare a Romilor din Baltica.

Вальдемар Калинин (Лондон, Англия, Великобритания). Председатель Балтийской цыганской миссии.

Valdemar Kalinin (London, England, United Kingdom). The chairman of Baltic Romani Missionary Society.
E-mail: v.kalinin@btinternet.com